

УДК 378.1 : 159.9
ББК 74.58 022

Образовательные практики: амплификация маргинальности

Альманах № 4

Серия «Университет в перспективе развития»

Белорусский государственный университет.
Центр проблем развития образования БГУ
Под ред. А.А. Забирко.
Мн.: Технопринт, 2000. – 184 с.

ISBN 985-464-059-0

В альманах включены материалы проблемно-разработческого семинара «университетское психологическое образование: оценка ситуации и возможные перспективы», проведенного в Белорусском государственном университете 21-23 сентября 2000 года, а также статьи в рамках тематики семинара, специально заказанные для данного сборника.

Содержание сборника фокусируется на проблематике новых форм университетской подготовки; предпринимаются попытки осмысления разных типов гуманитарных образовательных практик. Авторы данного сборника объединяет то обстоятельство, что каждый из них при обсуждении образовательных стратегий использует ту или иную форму критического дискурса.

Сборник статей ставит своей задачей расширение читательского опыта осмысления университетского образования путем привлечения ресурса, накопленного в текстах, проблематизирующих единообразие практик преподавания и создающих возможность для конструирования альтернативных педагогических концепций университетского образования.

Данное издание предназначено для преподавателей, ученых, исследователей проблем высшей школы, аспирантов, методистов и специалистов аппарата управления сферы образования.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Многообразие не данность, а проект. (с. 5)

Введение Чтение без контекста. (с. 8)

Коломинский Я.Л. Психологическая культура или психологическая цивилизация. (с. 12)

Слепович Е.С. Размышления специалиста об авторской практике "Психология ребенка с аномальным развитием". (с. 20)

Краснов Ю.Э. От вербально-технической к мыследеятельностно-самоопределенческой парадигме психологического образования. Опыт реконструкции становления и методологического обоснования проекта "ПРАКТИКА" как единица (университетского) психологического образования. (с. 25)

Фофанова Г.А. После лекции Полонникова А.А. Размышления психолога. (с. 36)

Харин С.С. Совершенство развития (теоретические аспекты личностно-профессионального становления субъекта научной деятельности). (с. 40)

Файферман В.В. Психологические особенности функционирования намерений в процессе профессиональной подготовки психологов. (с. 61)

Герасимова В.А. Просто ни о чем... (с. 68)

Джержен К.Дж. Социальное конструирование и педагогическая практика. (с. 74)

Соколова М.В. Лирическое эссе на тему "Об издержках педагогического процесса". Взгляд изнутри. (с. 102)

Полонников А.А. Сверхъестественность образования. (с. 106)

Корчалова Н.Д. Возможность и воображение. (с. 131)

Забирко А.А. Время и образование. Несколько метафор к образовательной практике. (с. 133)

Корбут А.М. Образование | проблематизация. (с. 136)

Интервью с человеком, не написавшим послесловие. (с. 158)

Забирко А.А., Герасимова В.А., Корбут А.М., Корчалова Н.Д., Полонников А.А. Комментирующий диалог как образовательная практика: конструирование события. (с. 162)

Психологическая культура или психологическая цивилизация

КОЛОМИНСКИЙ Яков Львович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и детской психологии Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка, г. Минск.

Когда речь идет об университетском психологическом образовании, то можно сказать, что речь идет вообще о психологическом образовании в республике, потому что у нас очень интенсивно растет количество университетов. По-моему, из бывших пединститутов только Мозырский пединститут продолжает гордо и скромно именоваться педагогическим институтом, все остальные уже превратились в университеты. И это очень странный процесс, потому что если вы повесите на здание какую-нибудь вывеску, то от этого здание не меняется. И для того, чтобы психологическое образование было действительно университетским, оно должно само себя понять, само себя нести именно как университетское образование.

Я хотел бы прежде всего поставить вопрос о *целях университетского психологического образования*. Вначале определим, что значит университетское психологическое образование? Во-первых, если речь идет об образовании всех студентов университета (и юристов, и экономистов, и историков, и т.д.), то это одна линия образования. Во-вторых, если это подготовка профессиональных психологов, то это совершенно другая линия образования, и она требует несколько иного подхода. Наверное, мы будем иметь в виду обе эти линии. Это можно четко отследить, если мы введем понятие психологической культуры. Пока я несколько отойду от проблемы подготовки профессиональных психологов, а буду говорить о психологическом образовании в университете.

У меня иногда возникает вопрос, может быть, несколько кощунственный: *зачем вообще изучать психологию?* Зачем она нужна? И это не такой тривиальный вопрос, как кажется на первый взгляд, потому что от того, что мы вкладываем в это понятие (в понятие “обучение психологии”), зависит очень многое из того, о чем мы дальше будем говорить.

Ясно, что учиться психологии — это абсолютно не значит овладеть той суммой знаний, часто очень отрывочных и несистематизированных, которые нам предлагает так называемая общая психология. Курс общей психологии мне кажется каким-то очень странным, непонятным и противоестественным. У Александра Полонникова есть текст, в котором написано о противоестественности образования. Конечно, говоря по-белорусски, “а навошта яно здалося”. А тем более, смотрите, что такое общая психология? Это какой-то странный монстр. Возьмите толстый учебник по общей психологии. О чем он, о ком он? Герои этой книги ни мальчик, ни девочка, ни мужчина, ни женщина; в ней нет живой ткани человеческой психики, ее целостности (без чего вообще нет ни психики, ни психологии). Когда-то один физиолог сказал, что части — у трупа, а в живом организме нет частей. Эту целостность (я не хочу говорить слово “систему”) мы в общей психологии разрываем на части. Помните, что такое общая психология, полистайте ее: это “ощущение”, “восприятие”, “память”, “мышление”, “воображение” и т.д. Человеческая личность разрывается на вот эти части, и потом человек оказывается в положении незадачливого часовщика, который разобрал часы, разложил винтики и гаечки, а собрать их не может, они не идут. Вот так “не идут” психологические знания через учебный курс общей психологии. Они никому не нужны. Это абстракция, которая никак, никем и нигде не может быть применена: ни в педагогической практике будущего выпускника, ни в его будущей профессиональной деятельности, ни тем более для формирования его собственной личности. Итак, первая абстракция, которая наносит колоссальный вред психологическому образованию (а потом мы скажем и о культуре) — это традиционный, устоявшийся курс общей психологии.

Общая психология создает еще одну абстракцию. Она рассматривает даже того расчлененного человека *in vitro* (в пробирке — лат.), то есть она рассматривает его в абстракции, изолировано от его социального окружения, от его социального контекста. А так человека понять нельзя совершенно! Человек, личность понятны только в соотношении с ситуацией, в соотношении с другими людьми. Представление о личности как о некой бронзовой окаменелости, которая имеет столько-то черт, свойств и т.д. совершенно не соответствует реальности. Мы говорим, что критерий знания человека (знаешь ты человека или нет) есть только один: ты должен уметь предсказать его поведение. Если ты не способен предсказать поведение, то ты этого человека не знаешь. Например, мы говорим, что знаем характер человека как совокупность устойчивых и существенных свойств. И зная это, мы можем предсказать его поведение. Ничего подобного! Очень часто, на каждом шагу, поведение человека оказывается непредсказанным и непредсказуемым. Тогда мы хотим выйти из положения таким путем: наверное, мы его плохо знаем, поэтому мы не смогли предсказать его поведение. Это неправда, мы его можем хорошо знать. Но мы его знаем вот в этой ситуации, в это время и в этой системе его жизненных отношений. Или

мы говорим: мы не можем предсказать его поведение, потому что у него вообще нет характера, у него нет определенности, твердой линии, поэтому его поведение напоминает причудливый полет бабочки. Это тоже неверно. Мы не можем предсказать поведение по очень простой причине: поведение является функцией не столько от внутренней структуры личности, сколько, может быть, от ситуации. *Человек в ситуации*, целостный человек в его реальных жизненных контекстах — вот что должно стать для нас главным. В этом смысле мне очень понравилась недавно переведенная у нас книга “Человек и ситуация” Л. Росса и Р. Нисбета. Она исходит из когнитивистской, гештальтистской концепции, идущей от К. Левина, Л. Фестингера и т.д. В ней излагается похожая концепция.

Итак, что же является, несмотря ни на что, целью психологического образования, которую мы не можем достичь в современной дисциплинарной развертке курсов психологии? Я думаю, что целью психологического образования является формирование у личности психологической культуры. Здесь можно иметь в виду два основных ракурса психологической культуры. Один ракурс — фоновая психологическая культура, которая нужна всем, любому человеку: историку, юристу и т.д. И, конечно, она нужна будущему психологу. Но это уже профессиональная психологическая культура. В первом случае это тоже профессиональная культура, но по профессиям другого типа.

Что же такое психологическая культура в целом? Очень часто у нас слова “проскакивают”, поскольку словосочетания очень узнаваемы, и, как писал В.В. Маяковский, “слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье”. Я в данном случае не хочу заставить сиять величественное слово “партия”, как там сказано, а хочу подойти по-новому к понятию “психологическая культура”. Как ни странно, такого понятия как научного концепта не существует и даже у тех авторов, которые близко к нему подходят, например, у В.М. Розина. У него есть книга, где он выступил как профессиональный культуролог, — “Введение в культурологию”. Но даже там он прошел мимо этого понятия, хотя словосочетание, его обозначающее, есть. В его книге есть глава “Любовь” и подзаголовок “Культурно-психологический аспект”. Итак, говоря о понятии “психологическая культура”, было бы интересно порассуждать над двумя теоретическими движениями в этой области. Можно было бы поговорить о том, как входит психология, ее концепции и ее предмет в представления о культуре вообще. Можно было бы это так сформулировать: “психология в культуре”. И здесь осуществима простая операция. Когда я разрабатывал эту тему для студентов, я просто взял словарные статьи и посмотрел, как в понятии культура используются психологические переменные, и обнаружил, что везде есть психологические переменные, правда, по имени они не называются. Например, может быть сказано: уровень умственного развития, но для нас это элемент психологической культуры. Итак, общее понятие “культура” не может обойтись без психологических переменных. Вообще, что такое культура? Культура — это то, что не природа, это то, что мы сами создали, это, скажем, вторая природа. Есть вторая природа в этом смысле и в психологии (то, что не было создано прямо природой). В этом смысле культура вообще противоестественна, если под естественностью понимать то, что вокруг нас создала сама природа.

Но есть и другой путь анализа понятия “психологическая культура”. Как в психологию входит культура? Через какие каналы? Здесь есть тоже несколько очень интересных движений. Я не буду специально останавливаться на таком могучем движении, как культурно-историческая концепция и теория развития психики, в которой Л.С. Выготский говорит о том, что есть натуральное развитие психики и историко-культурное развитие психики. И надо сказать, что эта концепция вызвала к жизни могучее движение в мире: возьмите книги Коула, Скрибнер и т.д. И еще одно очень интересное движение в психологии — это культурная антропология, где вообще культура представляет собой некую переменную, которая воздействует на психику, например, работы М. Мид и других представителей этого направления. Таким образом, есть два движения, которые мы можем проследить, когда речь идет о психологической культуре.

Есть еще одна очень интересная вещь, которой я хотел бы с вами поделиться. Известно, что сами культурологи сильно свою науку раздифференцировали. В предисловии к книге С. Москвичи “Машина, творящая богов” А. Брушлинский и П. Шихирев пишут о том, что возникла новая наука культурология, которая грозит поглотить вообще все на свете. Действительно так, но тогда мы можем сказать, что существует несколько и антропологий в этом смысле, например, культурная антропология. Я хотел бы зафиксировать один интересный момент. Мы с вами здесь и сейчас должны конституировать создание *психологической культурологии*. Это новый аспект, наш вклад в разрушение культурологии как некой единой и единственной науки.

Но сразу возникает еще один интересный аспект. Наряду с понятием “культура” существует понятие “цивилизация”. Словари дают следующее значение слова “цивилизация”: цивилизация — синоним слова “культура”. Но никто уже сегодня не применяет понятие “цивилизация” так же, как “культура”. Мы можем говорить о культуре и цивилизации. В данном случае под цивилизацией понимается некий технический, материальный аспект культуры (например, машины, технологии и т.д.). В этом смысле можно быть очень цивилизованным, но очень некультурным. И ни у кого не вызовет удивления, если мы, создав портрет нового русского или нового белоруса, скажем, что у него есть все атрибуты цивилизации: золотая цепь “на дубе том”, “мобильник”, “мерседес” и т.д. Это все признаки цивилизации. В то же время он может быть совершенным дикарем. Тогда мы можем говорить и о *психологической цивилизации*, которая может быть противопоставлена психологической культуре. Что такое психологическая цивилизация? С моей точки зрения, это такая сциентистски поданная концепция

психологии. Например, это наличие у психолога компьютера, программного обеспечения, разного рода инструментария, целого чемодана тестов, технологий. Это все у психолога есть. Это все признаки психологической цивилизации, но отнюдь не психологической культуры.

Я хотел бы особое внимание обратить на гуманистический характер психологической культуры, противопоставленный вот этой психологической цивилизации. Не может психолог себя чувствовать так, как инженер. Инженер тоже может быть гуманистом, но этот гуманизм имеет совсем другой характер и прочее, прочее. Могут сказать: ну, как это так, все время представители разных наук ведут разговор о том, что нужна гуманитаризация образования, нужна гуманизация образования, причем нередко это все путается (но это уже другой вопрос). Я утверждаю, что *нужна гуманизация психологического образования и гуманизация психолога как профессионала, если мы говорим о профессиональной психологической культуре*. У нас очень большой крен в цивилизационный аспект психологической культуры. Нередко мы можем себе представить такого профессионала-психолога, который абсолютно не заботится о гуманной стороне своей деятельности. Это, например, стремление к манипуляции, это стремление к использованию своих психологических полузнаний для достижения каких-то других целей, это способность, может быть, влиять на человека, но не в гуманном смысле слова. Психолог должен быть прежде всего гуманистом. И вот этот гуманитарный аспект психологического знания, скорее даже гуманистический, мне хотелось бы особенно подчеркнуть.

А то ведь что получается? Получается, что то разделение психологии на ряд психологий, которые мы имеем теперь, приводит к тому, что психолог может вообще не знать ничего, кроме определенных узких направлений. Вот когда-то мы были с Александром Григорьевичем Асмоловым на одной конференции, и он тогда высказал очень хорошую мысль о том, что у нас в основном развивалась “психология уха-горло-носа”. Так вот “психолог уха-горла-носа” абсолютно ничем не заинтересован: личность его мало интересует, социальная психология тоже. Все это кажется ему каким-то ненаучным. И то, что психология принимает и приняла когда-то естественно-научную парадигму, конечно, “выдернуло” ее как науку. Но эта же парадигма ее и загубит, если мы будем идти по этому пути. Психология — это не та наука, которая может быть “неинтересной”. Интересная для читателя наука — это и есть психология... Психология не может не быть интересной наукой, если она интересуется человеком и говорит какую-то правду о человеке. Мне представляется совершенно бессмысленным то, что психологи стараются теперь догнать, чуть ли не перегнать представителей естественных наук в области точности эксперимента, в так называемой объективности и т.п. Все радостно повторяют слова, что “во всякой науке столько истины, сколько в ней математики”. По отношению к психологии — это глубокая ложь, это глубокая неправда. Я бы сказал иначе. В нашей науке (и вообще в науках о человеке) столько правды (я не произношу слово “истина”) сколько в ней поэзии. У Владимира Петровича Зинченко есть брошюра “Возможна ли поэтическая антропология”. А я ему хочу сказать и скажу, что другой просто не может быть. Если это не поэтическая антропология и психология, то это уже не психология, это что-то другое. Я хотел бы вернуть психологии духовность. Философ Иван Ильин писал, что культура без души — это дурная цивилизация. Я бы не хотел, чтобы мы с вами развивали не психологическую культуру, а развивали бы психологическую цивилизацию.

Что касается определения того, что такое психологическая культура, из каких она состоит частей и так далее, то я отсылаю к сборнику, где опубликован текст, посвященный этой проблеме (Университетское психологическое образование: оценка ситуации и возможные перспективы / Материалы проблемно-разработческого семинара, Минск, 21-23 сентября 2000 г. / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. — Мн.: Технопринт, 2000. — С.62-66.).

Я бы хотел обратить ваше внимание на одну концепцию — концепцию психологической культуры личности. Мне приятно выступать в данной аудитории, поскольку выступать перед “маститыми” психологами тяжело: многие из них существуют в старой естественно-научной парадигме; их сознание как бы закрыто. Но никого ни в чем нельзя винить. Мне же удалось “выскользнуть” из этой парадигмы, поскольку в моей научной работе всегда присутствовал элемент психологической проповеди. Я боюсь быть слишком категоричным, но мне даже кажется, что если мы имеем дело с формированием у личности фоновой психологической культуры, то нужно не просто преподавание психологии, а *психологическая проповедь*. И когда мы готовим психолога к преподаванию, мы его должны готовить как проповедника, как человека, который воспитывает душу другого человека.

Я бы хотел обратить внимание на то, что в том тексте, который вы будете читать (в сборнике тезисов семинара), есть четкое деление психологической культуры на несколько слоев. Один из них — это концептуально-теоретический слой, который включает те знания, которые человечество приобрело о самом себе. Ведь психология — это фактически форма самонаблюдения человечества. И с этой точки зрения мне всегда смешно, когда говорят о так называемых объективных методах в психологии. Какая чушь! Какие объективные методы! Ведь в психологии, как и в любой науке о человеке, осуществляется превращенная форма самонаблюдения, превращенная форма рефлексии. Человек изучает сам себя, а мы хотим, чтобы это было объективное исследование! Кто нас мог бы изучить объективно? Какие-нибудь психологи с Альфы Центавра: оттуда, извне нас могут изучить. А мы изучаем сами себя, что-то подсчитываем, полагая, что это объективное исследование. В какой-то степени я и сам так считаю в своих исследованиях: иногда это необходимо. Но все время надо иметь в виду главные наши цели.

Я хочу подчеркнуть, что вторым слоем психологической культуры является психологическая деятельность. В данном случае я под словом психологическая деятельность понимаю деятельность человека, направленную на самого себя. В данном контексте личность выступает по отношению к самой себе как психолог. И целью психологической деятельности является достижение определенного внутриличностного комфорта, или, другими словами, — достижение некоего психологического здоровья. Мы можем утверждать, что результатом этой деятельности (если развернуть это с точки зрения теории деятельности) является внутренний психологический комфорт, психологическое здоровье, оптимальное взаимодействие с окружающими людьми; предметом является внутренний мир человека; а способами, средствами являются рефлексия, самопознание, самообладание, переживание и т.д. Здесь очень интересно отметить, что, например, у Ф.Е. Василюка переживание четко формулируется как деятельность. Но переживание — это один из видов внутренней деятельности, внутриличностной деятельности. Таким образом, человек по отношению к самому себе выступает как психолог, и психологическая деятельность может быть понята как деятельность по психологическому самообслуживанию.

Вопросы

Слепович Е.С.: Я хочу, чтобы Яков Львович не подумал, что мой вопрос конфронтационный, потому что психология для меня начиналась с его книги, которую я прочла еще в школе. И это многое определило и решило. И под большинством слов, сказанных тут, я готова подписаться. Единственное, у меня два вопроса. Подписаться — не означает, что это уже аксиома, а как раз постановка проблемы, каждая фраза — это проблема, которая требует размышления, размышления и размышления. В данном случае, я, наверное, упустила — речь идет о подготовке профессионального психолога (психолога, который делает сферой своей профессиональной деятельности психологию) или специалиста другого профиля, но в структуру деятельности которого входит психология? Это первый вопрос. И от ответа на него зависит мой второй вопрос.

Коломинский Я.Л.: Я сразу сказал, что я вижу две линии в работе семинара, и я, конечно же, говорил о фоновой психологической культуре больше, о том, как нужна психологическая культура вообще любому человеку. Я говорил о всеобщей психологической культуре и подумал, что можно было бы заявить о культурно-психологической революции. Но поскольку я вообще боюсь революций, мы обойдемся эволюцией. Но какие-то элементы из сказанного касались и воспитания профессионального психолога. Но о них специально я не говорил.

Слепович Е.С.: Второй вопрос я все-таки задам, но он будет не основным. Я понимаю агрессию Якова Львовича против официального курса общей психологии, поскольку я его тоже читаю и испытываю в отношении его аналогичные чувства. Но не кажется ли Вам, что эта агрессия вызвана тем, что этот курс занимает неадекватное место в общем поле подготовки специалиста? Может быть, стоит это место чуть-чуть по-другому обозначить, например, назвать его категориальным аппаратом психологии, и ответить ему не такое большое место? И тогда, может быть, на фоне этого категориального аппарата просто по-другому все строить и не делать этот курс центральным?

Коломинский Я.Л.: Вы совершенно правы. Я тоже многие годы преподавал общую психологию. Л.С. Выготский мечтал когда-то преподавать не по элементам, а по единицам. Вот если бы нам удалось найти такие единицы! Например, Выготский считал единицей переживание. Может быть, "личность в ситуации" — это единица. Конечно, Вы совершенно правы: как мы, педагоги, не дадим какой-то категориальный аппарат? То есть введение в психологию надо. Я с Вами полностью согласен, что агрессия здесь в том, что эта общая психология поглотила всю остальную психологическую подготовку, потом в качестве небольшого дописка идет возрастная психология, чуть-чуть социальная (почти нигде ее нет) и все. И таким образом человек оказывается в положении, когда "чашу пронесли мимо рта": назвали психологию, но ничего не дали.

Слепович Е.С.: Может быть, этому курсу придать статус азбуки? Без азбуки нельзя, но нельзя все сводить к ней.

Коломинский Я.Л.: Правильно, придать ему статус психологической грамотности. Вот, например, мы преподаем до сих пор "ощущения" так, как будто не было гештальтистской революции, как будто бы ощущения существуют как совершенно изолированный психический процесс, а не входят в состав восприятия, скажем. Я с Вами полностью согласен, Елена Самойловна, тут надо думать и думать.

Кремер Е.З.: Если я правильно понял, когда обсуждается проблема расчлененности-целостности, то Вы выступаете за целостность, против расчлененности. Но здесь встает вопрос: а как тогда анализировать, как работать с целостностью? И сейчас я услышал, что есть путь через единицу анализа. Но возникает вопрос: как это возможно? Как возможен психологический анализ, если мы отказываемся от расчлененности, поскольку анализ — это всегда попытка разделить?

Коломинский Я.Л.: Дело в том, что куда не денешься, все равно членения какие-то придется совершать. Но надо прежде всего, наверное, сформировать понятие целостности психики и личности, а потом уже говорить об этих вещах, чтобы, например, в сознании студента психика не распадалась. Тем более, что он же понимает, что в этом глубокая ложь. Он же анализирует и видит себя как некоторое целостное существо, из которого нет створчатых элементов, восприятия и т.д., что, когда он анализирует, то

целостное существо, у которого нет отдельных ощущений, восприятия и т.д., что, когда он слушает, то это не значит, что он только аудирует, то есть работает только слуховой анализатор, ведь работает вся его личность. Вот это все время приходится преодолевать. В моей книжке "Человек: психология" мне до конца не удалось это преодолеть, но я все время пытаюсь это сделать: вписать тот или иной процесс в целостную личность. Например, если обсуждается память, то как она вписывается в целостность личности? Помните, я там сравниваю память Шершевского с памятью других великих людей. Память Шершевского не была вписана в определенные структуры личности и ничего не произошло в его жизни. Он был просто мнемонистом, который показывал свою память, как если бы показывали бородатую женщину в цирке. А вот Иван Иванович Солертинский, о котором я там говорю, сделал свою феноменальную память орудием деятельности своей личности. Вот пример того, как это происходит.

Кремер Е.З.: То есть, если я правильно понимаю, то ход преподавания должен быть немножко перевернут?

Коломинский Я.Л.: Может быть. Может быть, после того, как (по словам Елены Самойловны) мы дадим какой-то категориальный аппарат, стоит сразу изучать личность в ситуации, может быть, социальную психологию личности. Тогда, если говорить откровенно, сразу станет интересно человеку, он будет понимать, что речь идет о нем, о его собственных жизненных проблемах, а не о том, как, например, идет забывание в первые сорок минут. Потом об этом тоже можно сказать, но не делать из этого конечную цель. Вундту невозможно было иначе поступить, он и развел свою психологию на две психологии. Но нам уже можно пойти и другим путем.

Краснов Ю.Э.: Яков Львович, Вы критиковали естественнонаучную психологию, и я с Вами полностью солидарен. Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас версия того, на какой рациональности может строиться не естественнонаучная психология?

Коломинский Я.Л.: Я думаю, на целостной культурологической подоплеке. Мы должны учить людей психологической культуре и разрабатывать психологию как культуру психологическую. Мы можем здесь на многое опереться, например, на феноменологическую традицию. Надо искать.

Краснов Ю.Э.: Скажите, пожалуйста, Вы в качестве примеров единиц приводили понятия "человек в ситуации", "переживание", можно ли еще что-то добавить сюда?

Коломинский Я.Л.: Этот вопрос требует серьезного размышления. Это проблема: как нам строить изучение и рассказ о человеке. Может быть, нам надо здесь учиться у писателей в какой-то степени. Например, можно говорить о литературно-художественном моделировании, которое я рассматриваю как один из главных принципов формирования психологической культуры. Может быть, нам обратить внимание на то, как писатели умеют целостно изображать личность, не имея никаких специальных психологических знаний, хотя некоторые теперь уже и имеют. Это очень интересная проблема. Если бы мы нашли единицу, то нам бы надо было дать Нобелевскую премию сразу.

Вопрос: Если носителей психологической культуры мы противопоставляем носителям психологической цивилизации, тогда на что здесь можно опереться?

Коломинский Я.Л.: Можно опереться на соответствующую психологию, на гуманизацию всего процесса воспитания человека в ВУЗе. Есть большая дискуссия о воспитывающем обучении, о воспитании и образовании и т.д. Конечно, психология должна воспитывать.

Реплика: Не будет ли человек психологически здоровый, владеющий психологической культурой, противопоставлен тому, что происходит в обществе?

Коломинский Я.Л.: Наоборот. В понятие психологического здоровья вкладывается и способность к адекватной психологической адаптации к данным ситуациям. Он просто найдет способы адаптироваться. Если он не будет адаптирован, то можем ли мы говорить о его здоровье? Кстати, я хочу обратить Ваше внимание на используемый мной термин "психологическое здоровье". Он не тривиален, поскольку сегодня чаще всего говорят о "психическом здоровье". Под психическим здоровьем я хотел бы понимать отсутствие разных отклонений в плане психики во всех ее проявлениях. Отклонения в области психического здоровья представляют собой определенную нозологическую единицу, и этими проблемами должен ведать врач, психиатр, психотерапевт. Он может выписать рецепт и так далее. Психологическое здоровье — это целостное состояние личности, это то, что Л.И. Божович называла психологическое, эмоциональное благополучие, это наличие у человека гармонизированного внутреннего мира, равновесие с самим собой и, конечно, с окружающим миром, потому что разлад с окружающим миром приводит к самым различным ситуациям. Я бы хотел, чтобы мы с Вами пропандировали психологическое здоровье, которое является целью нашей с Вами деятельности. Мы не занимаемся с Вами психическим здоровьем, мы не психиатры, но психологическим здоровьем мы занимаемся. Практический психолог и в школе и где угодно занимается психологическим здоровьем. Эту точку зрения разделяет и группа, работающая под руководством И.В. Дубровиной. У них есть публикации именно по психологическому здоровью.

Реплика: В одной из своих последних статей А.Н.Леонтьев говорил, что психология в будущем должна развиваться не по разладам, а по проблемам. Как Вы относитесь к этому высказыванию?

Реплика: В одной из своих последних статей А.Н.Леонтьев говорил, что психология в будущем должна развиваться не по разделам, а по проблемам. Как Вы относитесь к этому высказыванию?

Коломинский Я.Л.: Наверное, это то, о чем мы говорим: проблема, а не тема или подтема. Например, как писал С.Л.Рубинштейн, “человек и мир” — это огромная красивая проблема, а внутри нее проблемы “человек-человек” и т.д. Или, например, то, что Е.Климов говорит о видах профессий, можно сформулировать и как виды проблем. Прекрасная проблема: человек и его дело, его профессия, которая дает нам ориентацию в том, как формировать нам психологическую культуру у будущего инженера, врача, юриста и т.д. Это хороший вопрос.

Забирко А.А.: У меня несколько вопросов уточняющего характера. Психологическая культура — это характеристика личности или общности, человеческой деятельности, человеческого события? Если это характеристика личности, то в чем специфичность Вашего термина “психологическая культура личности”?

Коломинский Я.Л.: Конечно, есть традиции, но такой постановки проблемы, как мы сегодня обсуждаем психологическую культуру, нет. Конечно, существует психологическая культура неличностная, как некий компендиум, система знаний о человеке и способах воздействия человека на других людей и на самого себя. То есть существует психологическая культура, которой каждому отдельному человеку предстоит овладеть. Иными словами, речь идет о процессе культурации личности. Теперь различают процесс социализации и процесс культурации. А каждая личность эту культуру усваивает и как житейскую психологическую культуру, и как психологическую культуру, концептуально-теоретическую. Конечно, существует психологическая культура, воплощенная в психологических произведениях. А каждый человек ее присваивает, как и любую другую культуру. Здесь возникает очень хорошая аналогия с музыкальной культурой. В ней есть тоже пласт концептуально-теоретический: теория музыки, теория музыкального творчества, произведения великих композиторов — то есть то, что называется музыковедением. Но хорош был бы человек, который считает, что он овладел музыкальной культурой, если он не умеет читать ноты, если он не умеет ни петь, ни играть (как спортсмен-заочник, который заочно участвует в соревнованиях).

Забирко А.А.: Правильно ли я понял, что в Вашем докладе речь идет о психологической культуре как о внутреннем достоянии личности в первую очередь, о формировании личности?

Коломинский Я.Л.: Конечно, мы хотим сформировать у наших учеников психологическую культуру, чтобы они освоили все ее грани. Другой цели у нас и нет.

Забирко А.А.: Мне вспоминается высказывание Б.С. Братуся о том, что человек может быть психически здоров, но личностно болен, и с этим связан еще один вопрос. Вы в начале выступления критиковали дисциплинарную устроенность содержания психологического образования. В этом контексте что добавляет или меняет понятие “психологическая культура” в организации психологического образования? Она добавляет моральную составляющую или она добавляет практическую составляющую?

Коломинский Я.Л.: Прежде всего, я хочу прокомментировать слова Братуся. Здесь вот как раз и кроется различие между психическим здоровьем (по Братусю, этот человек здоров) и психологическим нездоровьем. Это как раз “льет воду на нашу мельницу”. Понятие “психологическая культура” меняет всю целевую, я бы сказал, стратегическую установку преподавания психологии. Когда оно не рассыпается на разные дисциплины, и даже если рассыпается, то все равно имеется в виду целостное. А целостное здесь — это то, как каждый из этих предметов вписывается в психологическую культуру. Причем, поскольку психологическая культура предполагает и концептуально-теоретический слой, и практический слой, то не останавливаемся ли мы сегодня, с этой точки зрения, только на одном слое и ничего не делаем в области вооружения психологической практикой? Далее, с точки зрения нравственно-гуманистических принципов, этот подход подразумевает направленность на человека, на его нужды, потребности и т.д. Если хотите, то главной целью формирования психологической культуры является формирование у личности образа человека, модели человека. Например, модель человека по Фрейд — человек желающий, модель человека по бихевиоризму — человек реагирующий, или модель человека по когнитивизму — человек понимающий, или модель человека в гуманистической психологии — человек сочувствующий. И в зависимости от того, какая у тебя модель человека, так ты и действуешь с этим человеком и с самим собой. То есть речь идет об идее культурно-психологического опосредования. В моем тексте в сборнике упоминается о культурно-психологическом опосредовании межличностного взаимодействия, но эту идею можно расширить. Можно говорить о культурно-психологическом опосредовании всех отношений к миру. А дальше в качестве средства такого опосредования я предлагаю создать гипотезу культурно-психологической относительности, то есть распространить на психологию то, что мы имеем у Сепира и Уорфа. В зависимости от того, как ты называл, ты и действуй. И здесь слой психологической культуры действует как некоторая установка личности, как некоторый ценностно-ориентационный слой, который и определяет наши отношения в семье, отношение к женщине, ко всему миру через наши культурно-психологические понятия, установки.

Забирко А.А.: Некоторые исследователи психологии утверждают, что в психологическом знании содержатся разные концепции, разные модели человека. Можно ли сказать, что эти разные модели человека соответствуют разным ориентирам, разным практическим действиям? Может ли эти разные

человека заставляют по-разному ориентироваться в своих практических действиях? Могут ли эти разные модели человека объединиться в одну гомогенную психологическую культуру или можно говорить о разных психологических культурах или это неправомерно?

Коломинский Я.Л.: Конечно, наличие модели человека безусловно формирует его психологическую практику. И в этом смысле ведь, что делает любой психотерапевт? Он навязывает своему клиенту свою модель человека и действует с ним соответствующим образом. Один психотерапевт хочет создать из этого человека (клиента) психоаналитика, другой — гештальтиста, третий — бихевиориста и т.д. То есть он формирует свой взгляд, он транслирует свой взгляд. А что же ему еще делать? Он не может иначе, даже если он хочет иначе. Или возьмем вот то, что я называю культурно-психологическим опосредованием. Например, опосредование воспитательных воздействий. Известно, что в истории было несколько образов ребенка. Например, христианский образ ребенка: ребенок как результат греха. Ллойд Демоз написал книгу "История детства", ее широко цитирует И.С. Кон в книге "Ребенок и общество", кстати в этой книге рассказано об этих культурно опосредованных вещах. В связи с этим строится и практика. Какова ценность вообще ребенка? Никакой ценности, если это инфантицидный стиль воспитания. Можно ребенка убить, ведь за убийство ребенка только недавно (хотя, конечно, века прошли) стали наказывать, детоубийство не считалось преступлением. Или возьмите бросающий стиль, когда ребенка отдавали няньке, кормилице. Мне хотелось бы в этом месте отметить одно обстоятельство. Я не согласен с Игорем Семеновичем, со своим добрым товарищем, в том, что он вслед за Ллойдом изображает это как переходящие образы детства. Уголовные хроники буквально пропитаны примерами инфантицидного стиля, бросающего стиля (например, социальное сиротство). Вот в чем особенность психологии — в том, что даже прежние верования и концепции живут в сегодняшнем дне. Это не так, как в физике: новое открытие и уже не нужен нам теплород, открыли, что земля — шар и уже не нужно и т.д. Но, тем не менее, зачем мне нужно знать, что земля — шар, если я прекрасно могу обходиться концепцией плоской земли, я не совершаю кругосветных путешествий. На уровне действия здравого смысла и житейской психологии прежние верования, культурно-психологические концепции существуют, и они больше работают, чем наши с вами наработки в книжках. Поэтому психологическая культура, в частности, должна сформулировать, сформировать у человека вот этот оптимальный гуманистический взгляд на ребенка, чтобы он его не бросал, чтобы он считался с ним как с личностью. А он это будет делать, только если у него есть культурно-психологические концепты, сквозь которые он действует, концепции того, что ты можешь сделать по отношению к ребенку и к другому человеку. А что касается создания общей глобальной концепции человека, я не думаю, что это в ближайшее время возможно. Сейчас говорят об эклектико-интегральном подходе, но что это такое? Это солянка такая сборная, кстати, тоже целостное произведение симбиотического типа. Нам надо выбрать ту модель человека, которая нам кажется наиболее продуктивной, гуманистической, и на ней воспитывать будущего психолога.

Кремер Е.З.: Правильно ли я понял, что надо выбрать определенную психологическую культуру, и на ней строить психологическое образование?

Коломинский Я.Л.: Ту культуру, которую мы в данный момент считаем наиболее оптимальной, а остальное может идти в историю. Историко-психологические знания являются составной частью психологической культуры. Но не всегда ты выбираешь культуру, она часто выбирает тебя. В зависимости от твоего прежнего жизненного опыта и прежней жизненной культуры тебе оказывается близка, например, манипуляция, а не убеждение.

Кремер Е.З.: Для меня был очень важен этот момент: не эклектика, а определенный концептуальный подход.

Коломинский Я.Л.: Конечно, чтобы была какая-то целостность, гештальт. Действительно, можно сказать, что человек настолько многообразен, что он и ангел, и зверь, и царь, и бог, и червь...

Кремер Е.З.: Сегодня в образовании ситуация как раз прямо противоположная: никакой модели, образа человека нет.

Коломинский Я.Л.: Я считаю, что психолога-профессионала надо учить психологической культуре так, как всех, но еще лучше, и дать ему профессиональные знания.

Слепович Е.С.: Тогда у меня возникает вопрос: при целостности того, что собирается транслировать, при совершенно фантастической привлекательности гуманистической концепции, почему в Беларуси практикующие психологи не выбирают гуманистическую психологию и почему на единицу гуманиста приходится как минимум пятьсот гештальтистов, например?

Коломинский Я.Л.: Я Вам скажу почему. Потому что у нас нет систематического психологического образования будущих практиков-психологов. Они где попало учатся, увидят на столбе объявление и идут.

Слепович Е.С.: А почему они в этом "где попало" не идут учиться к последователям Роджерса, а идут учиться к гештальтистам и т.д.?

Коломинский Я.П.: А потому что последователи Роджерса гуманисты, не умеют навязывать себя

Коломинский Я.Л.: А потому что последователи Роджерса гуманисты, не умеют навязывать себя. Культура застенчива, а цивилизация нахальна.

Забирко А.А.: Правильно ли я понимаю, что психологическая культура содержит определенный набор ценностей, значимостей, ориентируется на определенный образ человека, на основании которого можно выбирать некоторые содержания психологического образования?

Коломинский Я.Л.: Несомненно, здесь можно было бы дальше думать об аксиологическом характере психологической культуры. Это не какое-то внеличное знание. Это знание, безусловно, ориентированное определенным образом, имеющее определенный нравственный потенциал.

Вопрос: Кто же возьмет на себя ответственность сформировать этот образ и станет проектировать нового человека?

Коломинский Я.Л.: Нового человека не надо проектировать. Мы уже проектировали: он строил Беломор-канал. Скажем просто: человека, гуманистически ориентированного человека. Все мы на себя вынуждены взять эту ответственность. Все. Раз мы беремся преподавать, раз мы становимся за кафедру, раз мы выходим к человеку, мы обязаны это делать. Мы не должны ждать, пока кто-то за нас это сделает.